

ТИХОЙ САПОЙ

НАЧНЁМ С НАЧАЛА

Большинство, скажем так, искривлений в политике берут своё начало в годы романтической горбачёвской перестройки (слово это прежде писал с большой буквы, больше не хочется). Вся страна встала на борьбу с привилегиями партийной номенклатуры. Факты и фактики, коими оперировали громкоголосые витии, на сегодняшнем фоне смотрятся примерно так, как мечта советского человека – автомобиль «Жигули» – рядом с шестисотым Мерседесом.

В Мурманске довелось присутствовать на встрече с избирателями кандидата в президенты Российской Федерации Ельцина. Борис Николаевич говорил исключительно о борьбе с привилегиями, всю дорогу повторял:

– Вы даже не представляете размеры этих привилегий...

Выражались они большей частью в пайках с надписью: «Свободно от радиации». Ну ещё в дачах за деревянным забором змеино-го цвета, прозванных в народе «гадючниками». Достаточно раскрыть дневники сына Хрущёва Сергея, чтобы представить себе эти хоромы с удобствами во дворе. Нынче даже заштатный райцентр Житомирщины – Коростышев – оброс белокаменными дворцами за трёхметровыми железными заборами. По количеству и стоимости превосходящими дачи ЦК КПУ и Совмина вокруг Киева.

Помнится, любое предприятие столицы Украины заботилось о базах отдыха для рабочих. Комбинат печати соорудил колонию из домиков на сваях в районе Чертороя. За мизерную плату, а то и за безденьги, семья любого полиграфиста или корректора могла провести месяц на чистом песчаном пляже. О стационарных базах отдыха и санаториях уже не говорю. За время работы в многотиражке завода «Арсенал» несколько раз побывал на заводской базе под Конче-Заспой и даже в заводском санаторном корпусе в Трускавце.

Что стало с теми базами отдыха не знаю, но догадываюсь. На примере внушительного корпуса, возведённого кондитерской фабрикой им. Карла Маркса в Конче-Заспе. Он славился отличным пищеблоком и даже санчастью. Всё в прошлом. Знаменитая на весь Союз фабрика (одни Киевские торты на чистом сливочном масле чего стоили!) потеряла имя и фамилию основоположника марк-

сизма, зато приобрела один слог из паспорта нового владельца Порошенко, стала называться «Рошен». Хочется поинтересоваться: комфортно ли ему бороться за чаяния народа в отобранной у народа базе отдыха? Покой хозяина и его присных охраняет капитальный забор с соответствующей сигнализацией, и вооружённая до зубов охрана. Положенная ныне по статусу привилегированному слуге народа.

ВСЕ ПО ДОМАМ!

Президент Российской Федерации Ельцин росчерком пера распустил «руководящую и направляющую» коммунистическую партию, а президент СССР и генератор перестройки Горбачёв ещё сидел в Кремле. Из независимой Украины дошли слухи, что новоизбранный глава республики Кравчук порекомендовал (к данному глаголу он прибегал многие годы, пока входил в руководящую тройку Киевского ЦК, ареопага компартии УССР), то есть, издал указ. Обязал граждан, прописанным на Украине, как можно скорей возвратиться в родные пенаты.

В городке на границе с Финляндией, в Ковдоре, выходцы из подчинённых Киеву областей волей-неволей стали кучковаться. В большинстве – инженеры и техники из Кривого Рога. Работа на Севере бронировала жилую площадь в южных областях и удваивала зарплату полярными надбавками. Терять такие преимущества не хотелось. Они, собственно, и подвигли на переезд в эти неласковые края. Но перспектива не вернуться в места, откуда родом, тоже не улыбалась.

На меня ещё давили семейные обстоятельства. Отцу за восемьдесят лет, он остался один в квартире. Без ухода, мама умерла. Опять же сыну поступать в институт. Не хотелось, чтобы он жил вдали от семьи. Да и здоровье начало пошаливать. Полярные надбавки – ни что иное, как компенсация за девятимесячную зиму и дефицит кислорода в атмосфере. Спустя год отреагировал на призыв (указ, приказ – ненужное зачеркнуть) бывшего товарища, а теперь господина Кравчука и вернулся восвояси.

Некоторую недалёковидность сего поступка ощутил на себе лет через десять. Во время обмена паспортов советского образца на документы с трезубцем на обложке и сине-жёлтым флагом на титуле.

Несколькими месяцами ранее ко мне в редакцию пришла преподавательница киевского университета и сказала: спасайте ребёнка, его третируют, как еврея! Оторопел и выпалил:

– Он же наполовину!

– А им всё равно, хоть на одну шестнадцатую...

Так получилось, что у меня – единственного из четырёх членов нашей семьи – в метрике место рождения: г. Киев. Родители отца – киевляне, но родился он в Екатеринославе, куда его отец, мой дед, водил баржи со свеклой на сахарозаводы Терещенко. Жена моя – уроженка севера, сын родился в Ковдоре. Ему и мне в выдаче нового паспорта отказали. О себе не переживал. Нам, пенсионерам, плевать на угрозы да неудобства. Пенсии всё равно не хватало сходить один раз в продуктовый магазин. Но у сына только-только улеглись неприятности в университете, ему пришлось перевестись в Харьков. Отсутствие гражданства вполне могло послужить основанием для исключения.

Знающие люди советовали встретить в коридоре милиции полковницу и решить вопрос при помощи пухлого конверта. А я трепыхался, махал удостоверением ответственного секретаря автомобильного журнала, который выходил под эгидой милиции. И, знаете, помогло. Или полковница в тот день ушла на больничный и я попал к её заместителю.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ И СПРОС

Знал, где буду работать, до возвращения в Киев. Мне держал место наставник по предыдущей киевской жизни и газете Евгений Михайлович Северинов. После отвсекства в «Комсомольском знамени» он поработал помощником капитана дальнего плавания, зав. отделом в журнале ЦК КПУ и зав. отделом в украинском отделении ТАСС (РАТАУ, Радиотелеграфное агентство УССР). Михалыч убедил: хватит, повкалывали на агитацию с пропагандой, пора заняться делом в виде журнала для автомобилистов «Сигнал». Крыша, правда, милицейская, но редактор свой парень, журналист по образованию и навыкам. Не жизнь – лафа, без всяких закидонов в политику. Автомобиль ни в какой партии не состоит, у него свои благородные задачи.

Журнал – подобие московского «За рулём». С эксклюзивным правом рассказывать о перспективах завода, выпускавшего самый дешёвый и проходимый «Запорожец». О его преобразованиях в переднеприводную «Таврию».

Прежде в Киеве выходило всего-то пять русскоязычных газет – две республиканские партийные, одна комсомольская, одна детская и газета Киевского военного округа. Плюс две многотиражки – железнодорожников и авиазавода Антонова. Расчёт окончен. Вернулся и попал в море русскоязычных изданий на негосударственном языке. Выходили они на русском отнюдь не в пику бывшему идеологу ЦК КПУ, а ныне президенту независимой Украины Кравчуку. Сугубо по причине спроса. Это я вам говорю, как ответственный секретарь «Сигнала». Название с перспективой – оно одинаково писалось и звучало на украинском и русском. Украинский вариант выпускали себе в убыток. Тираж не покрывал стоимости бумаги и краски, не говоря уже гонорарах переводчикам.

Вариантом на гос. языке автомобильный журнал коренным образом отличался от целой стаи русскоязычных изданий. Каждая партия, не говоря уже об олигархах, обзавелись печатным органом. Прямо-таки по картине художника Саврасова «Грачи прилетели». И все крикливые. Наивные мы люди, я по крайней мере. Всё не верили на слово генерал-лейтенанту и поэту-партизану Денису Давыдову. Он ещё в середине девятнадцатого века предупреждал (предостерегал): «Каждый обирала... корчит либерала».

Каждая газета или журнал утверждали, что именно она (он) глаголит истину. Благо, за типографией дело не стояло. Бывшие партийные – областная и республиканская в «Доме печати» – с удовольствием пожирала заказы. Два раза почти по году подписывал частные газеты и стоял в живой очереди таких же главных редакторов. До провозглашения независимости печатные органы возглавляли просто редакторы. Теперь бери выше, появились шеф-редакторы и гл. редакторы.

Еженедельников – вообще пруд-пруди. В одних довелось поработать обозревателем (с обязанностями литсотрудника), в других на гонораре. На жизнь более-менее хватало. Поскольку пенсия, выслуженная на севере, не превышала купюру в 50 гривен. А в некоторых изданиях, например, в клоне американской газеты «Новое русское слово» – в «Зеркале недели» – одно время долларами платили. За материал в полосу формата «Правды» (уж простите за привычную для журналиста моего возраста единицу измерения газетной площади) выдавали на руки те же 50, но с портретом американского президента. Для интересующихся сообщаю: на купюру в 20 долларов можно было накормить и напоить в ресторане 20 гостей.

Всё бы хорошо, да стабильности никакой. Газеты и журналы периодически закрывались, им на смену тут же появлялись другие. Как правило, с теми же главными или шеф. редакторами во главе. Что означало: контора коренным образом разошлась во взглядах со спонсором и тут же нашла другого богатенького папика.

И В ЛОБ, И ПО ЛБУ

У обоих моих нанимателей элементарно закончились деньги. Или они нашли им другое применение – в виде покупки заводов и пароходов. А я – работник старой закалки – успевал обрасти авторами. Теми, что вывозили на своих плечах самую читаемую 16-ю страницу московской «Литературной газеты». Феликсом Кривиним (киевлянином, осевшим в Ужгороде и прославившим его), Владимиром Орловым из Симферополя. И прочими мастерами пера. Мои газеты раскупались в киосках без остатка.

Издание приказало долго жить, а в запасе столько блестящих юморесок знаменитых авторов. Жизнь щедро подбрасывала хворост в огонь их творче-

ства. Неловко перед корифеями, всё-таки убедил их посылать мне первые экземпляры. По глупости душевной решил поделиться богатством с набравшей силу (и страниц) газетой, кажется, она называлась «Всеукраинские ведомости». Напросился на приём к главреду, выкормышу «Вечернего Киева». Пока тот листал мою папочку, я рассматривал фотографии на стенах кабинета. На каждой – хозяин апартаментов, рядом кого только нет. То и дело ловил себя на мысли, что при столь почитаемом лице хочется привстать. Минут пять спустя аудиенция подошла к концу. Главный захлопнул папочку и выдал резюме:

– Владимира Орлова печатать не будем, стихи – протухшее чтиво. А вот Феликс Кривин мог бы пригодиться. Если бы не хихоньками да хаханьками занимался, а прислал репортаж из тайного публичного дома в Ужгороде.

Попадались и не столь беспардонные ценители. В «Зеркале недели» заведующий отделом юмора отложил в сторону несколько новелл Феликса Кривина и по секрету сообщил:

– Обязательно опубликуем, но позднее. Как только определюсь с подборкой своих карикатур. Хотелось бы поместить их в привлекательном окружении. Феликс Кривин – как раз то, что надо!

В иных изданиях гонорары выплачивали два раза в месяц (звучала фамилия Березовского – «кошелек» президента Р.Ф. Ельцина, произносилась почему-то с придыханием). И оба раза сей праздник иначе, чем «День благодарного автора», не назывался. Чуть ли не в каждой редакции наткнулся на тернии да ухабы, низводящие журналистику до уровня плинтуса и ниже. О качестве материалов никто не говорил. На первый план выходили отношения с главным редактором, с его спонсором, на худой конец – с заведующим отделом.

МЕДИЦИНСКАЯ ГАВАНЬ

В журналистской тусовке на судебном процессе над сектантами из «Белого братства» случайно разговорился с доктором, принявшим в своё время на работу математика Кривоногова – идеолога и создателя секты – в серьёзное медицинское заведение. Молодой учёный-медик в своё время был приглашён из Архангельска в Киев. Кстати, великий Амосов тоже архангелогородец. И организатор авиастроения на Украине Антонов родом не из Шепетовки. Развал Союза лишил разработки, которыми занимался доктор, финансирования. Руководство научного заведения поспешило избавиться от непрофильной номенклатуры.

Доктор ощутил себя всадником, сброшенным на полном скаку с лошади. Нарботанные методики, избавляющие человека от боли, вот-вот обещали реальные плоды. Но ничего другого, как организовать частную клинику не оставалось. В эти недели наши дороги пересеклись. Совсем не трудно, даже приятно,

в занимательной форме изложить на бумаге советы да рекомендации. Как не помочь человеку, занимающемуся благим делом?

Параллельно с научно-популярными книгами помог доктору освободиться от морального груза, от довлеющей над ним несправедливости, связанной с ликвидацией его непрофильного отдела в научном институте. Получилось что-то вроде автобиографической повести «Сохраняю самообладание». Не успел оглянуться, как вокруг моего доктора сплотились коммерсанты.

Всё сомневался, получилась у меня повесть или нет? По давней литстудийной привычке отнёс рукопись Миرون Петровскому. Обычно морочил ему голову своими эпиграммами да фельетонами. Мирон прочёл и сказал, что повесть заслуживает быть опубликованной. Вдохновился и отнёс в единственный в Киеве «толстый» журнал под названием «Радуга», переименованный в горбачёвскую перестройку из «Советской Украины». Повесть вышла в нескольких номерах журнала и была отмечена премией.

Единственное, что себе позволил – с оглядкой на читателей журнала – снял в последний момент приписку про литературную запись. Повесть – от первого лица и «лит. запись» явно дисгармонировала с текстом. Думал, вставлю справку о своём участии в отдельное издание книги. Но меня опередили. Высокопоставленный пациент доктора, член Союза писателей (классик современной украинской литературы Михаил Слабошпицкий – утверждает помянутый в конце моих раздумий политический деятель и приверженец гопака) быстро-быстро перевёл книгу, издал на украинском, принял моего доктора в Союз писателей. Хотя отлично знал историю рождения рукописи.

Покоробили вмешательства проворного книгоиздателя. В моём изложении доктор позволял себе лингвистические отступления типа: «Мне кажется, что старинное русское «лекарь» более отвечает смыслу нашей профессии, чем бесцветное врач». В переводе автор, русский до костей, утверждал, что украинское «лікарь» точнее русского «врач».

Надо было бы призадуматься. К тому времени тогдашний президент страны Кучма издал свою исповедь «Украина – не Россия». При помощи литературной записи профессиональных литераторов. Вышла она в свет на русском языке...

А ТУЧИ СГУЩАЛИСЬ

Киев пустел, жители потянулись на юг. Первым из моих друзей уехал в Израиль Евгений Михайлович Северинов. Украинец по паспорту, русский по культуре, отлично усвоивший рідну мову. Падчерица поступила и окончила киевский пединститут – Евгений Михайлович её удочерил и дал свою фамилию. В сере-

дине девяностых, когда убедилась, что с работой в Киеве не выходит, уехала в Израиль. Вслед за ней собрались мать и отчим.

С Борисом, всю жизнь проработавшим выпускающим в «Комсомольском знамени», мы столкнулись на квартире жены Михалыча, помогали раздавать книги знакомым. Я тогда унёс домой толстенный словарь на идише-русском, фактически ни разу им не воспользовался. Засела фраза, брошенная вскользь напарником:

– А знаешь, когда придёт наш черёд уезжать – нам некому будет раздавать книги.

Как в воду смотрел. Сужу по библиотекам знакомых, что уходят из жизни. Наследники, не глядя, сваливают богатство в мешки и везут в макулатуру.

Новые технологии отодвинули в сторону издания на бумаге. Одна за другой исчезали газеты на русском, а там и на украинском. В киосках календари да листки с кроссвордами и детективами. Перестали выходить «толстые журналы» украинских литераторов. Почти сразу же. Громкоголосая Спілка письменників даже пальцем не шевельнула. А вот «Радуга» продолжала жить. Уж как её ни душили, требовали дублировать на украинском стихи и прозу. Просто запрещали. Журнал вновь и вновь появлялся, хотя бы в виде альманаха.

Фактов и фактиков постепенного удушения русскоговорящего Киева – пруд пруди. В девяностых Киевский мединститут (отросток медицинского факультета университета Св. Владимира, его закончил великий Михаил Булгаков) озабочился переводом на государственный язык предметов преподавания. На гранты, оплачиваемые миллиардером Соросом из-за океана. К началу нового века выпускники вузов писали по-русски с грамматическими ошибками. И говорили соответственно. Зато владели английским. Что и явилось пропуском в США и прочие западные страны, организовавшие охоту за будущими специалистами с первых курсов. В результате отпрыски большинства новоявленных патриотов умотали в хлебные места. Вот и ещё одна причина, почему в подавляющем большинстве дети высокопоставленных родителей избежали в военное время призыва в армию. По веской причине. Они давно граждане цивилизованных, как сами утверждают, стран.

Сменивший Кучму на посту президента Украины Ющенко умудрился внести свои пять копеек во все крепнущее разделение страны на две говорящие и думающие на разных языках группы. На святое 9 Мая он ещё не покушался, но выразил на бигбордах своё отношение осколком бандеровского лозунга: «Героям – слава!». Обвесил ими дороги в городах и между городами.

На арену выскочила партия, запачкавшая великое слово «Свобода». Не знаю, следствие ли она игры между боровшимися за власть кланами, или сама по себе вызрела, но стало совсем не до смеха. Начнём с того, что организатор и главный идеолог – проктолог по диплому. Согласитесь, для партии, претендующей на интеллектуальные высоты – довольно символическая профессия.

Время не шло – летело. Представители Меджлиса крымских татар забыли о претензиях к украинским властям Крыма и все как один перешли на украинский язык. Возмущениям их имперскими замашками «соседней державы» можно было бы посочувствовать, если бы Крымское ханство столетиями не промышляло разбоем на литовских и русских землях. Запорожская сечь возникла на путях набегов крымцев на Польшу. Батый сжёг Киев в тринадцатом веке один раз, а сколько раз крымские ханы громили и грабили город? Интересно, кто-нибудь из деятелей Меджлиса подсчитывал?

Куда щука с окунем, туда и рак с клешней. Порой принимая вид вполне симпатичной молодой женщины. Говорю о молодом депутате (простите, депутатке) Верховного Совета от очередной партии власти. Вряд ли в свои двадцать с хвостиком она успела обзавестись солидным капиталом. Но приобрела жильё в престижном районе Киева – на Печерских холмах. Молодую даму не устраивает домашний адрес, ей не по душе, что живёт и прописана на ул. Московской. Самой древней улицы Киева после средневековья. Все остальные магистрали, в том числе Крещатик, проложены на столетия позднее.

Дореволюционный русскоязычный Киев Булгакова с его домами, возведёнными по индивидуальным проектам, отступал в прошлое ещё в шестидесятых-семидесятых годах. Правобережье и Левобережье оккупировали стандартные многоэтажки. Не сразу и разберёшь, куда тебя занесли метро, автобус или такси. Всё равно, спасибо новостройкам, в благоустроенные квартиры переселялись из коммуналок коренные киевляне. Для многих расставание с улицей Толстого или Мариинским парком стало трагедией.

В основном новостройки заселяла привлечённая из областей, чаще из западных, рабочая сила. Этим людям безразлична историческая топонимика города, им не уразуметь, что, например, улица Прорезная прорезала защитный вал времён Ярослава Мудрого. Или, что Большая и Малая Подвальные обязаны своим названием не подвалам (подполам) для хранения провизии, а, опять же, защитному Валу Ярослава. Вдоль которого они располагались. Увеличившим население города вдвое, потом втрое, ближе по духу не легенды и мифы Киева, а воспоминания детства, связанные с совсем другими ландшафтами и обычаями.

Все эти цветочки породили зловещие плоды, особенно после февраля 2022 года. О них достаточно известно, не буду касаться кровоточащих ран. Ограничусь минимумом личных впечатлений, полученных вдали от Киева. Четвёртый год из-за ковида живу вдали от города, на самом настоящем хуторе. Информацию получаю исключительно из телевидения, а она, мягко говоря, весьма тенденциозна. Поневоле сравниваю с впечатлениями детства и юности, потом зрелости. Волосы дыбом становятся.

ЛОМАТЬ – НЕ СТРОИТЬ

В странах к западу от украинской границы с почтением относятся к деятелям предшествующих времён. Что-то не слышно, чтобы французы взорвали могилу короля Карла IX, виновного в Варфоломеевской ночи или пускавшим кровь народу Людовикам. Вплоть до номера четырнадцатого и далее. Не превратили в пыль прах Наполеона. Властители мирно покоятся в Пантеоне. А в наших пенатах дважды за одно столетие выкорчёвывали память о прошлом. При коммунистах досталось представителям династии Романовых и их присным. В Киеве вслед за памятником премьер-министру Столыпину сбросили скульптуру Николая I. Не безгрешен был император. Однако именно при нём город стал городом в современном понимании. Прежде состоял из разрозненных поселений: мастеровой Подол с замком польского наместника на горе Кисилице, Горы – руин столицы Киевской Руси, Киево-Печерской Лавры и примыкавшему к ней Выдубецкому монастырю.

Досталось царским генерал-губернаторам, в честь которых благодарные киевляне называли Фундуклеевскую улицу и Бибиковский бульвар. Уроженцы Киева в шестидесятых-семидесятых, заглавную магистраль – ул. Ленина – именовали по старинке Фундуклеевской. В девяностых её вновь переименовали, теперь она ул. Богдана Хмельницкого. Досталось от потомков не только царским сатрапам. В новом районе, на левом берегу Днепра, на Русановке, осевую магистраль нарекли в честь городского головы советских времён Давыдова. При нём город стал избавляться от коммуналок. Однако нынешние киевляне – в лучшем случае горожане в первом поколении – вычеркнули и этого радетеля из памяти, назвали проспект другим именем.

Не только заводы, шахты и жилые дома достались в наследство от «коммуняка». Вместе с домами дожили до наших дней бомбоубежища, где можно спрятаться от обстрелов и бомбёжек. Другое дело, что ключи от убежищ нынешние чиновники держат при себе, а люди гибнут у закрытых железных дверей...

За тридцать и два года независимости в Киеве не проложили ни одной новой улицы. Небоскрёбы и прочие, как говорили до Революции, «доходные дома» тулят в пробелах между старыми строениями. Предприниматели экономят на прокладке коммуникаций. Да что дома! В столице за все годы независимости достроили лишь 3 (три) станции метро (тогда у власти был Янукович).

И ёжику понятно: улиц, построенных и переименованных советской властью с лихвой хватит, чтобы обессмертить имена членов Национальных творческих Союзов – писателей, художников, музыкантов, кино-и театродеятелей. И всё-таки, позвольте вопрос, где рьяные переименователи найдут столько гениев, талантов и просто популярных творцов? Разве что разбавят (так и происходит) зарубежными персонажами, высказавшими одобрение современным властям предрежащим.

Не напоминают ли подобные манипуляции порядки в некоторых, со всех сторон цивилизованных, странах, где потомки вынуждены постоянно платить за погребённых родственников. В противном случае в той же могиле предоставят место очередному покойнику. Ему-то всё равно. Но вряд ли при жизни подобная перспектива кому-то улыбается.

После последних постановлений киевского горсовета о запрете в обиходе русского языка, кортит позвонить знакомым, которые в ответ на мои возмущения чуть ли не хором утверждали, что они по-прежнему общаются на русском и не ощущают никаких притеснений... Интересно бы услышать их реакцию. Да придержу язык. Помню детский кодекс чести: если противник поскользнулся и упал, его ногами не добивают.

ТРУЖЕНИК И НАСТАВНИК

Всю дорогу хожу вокруг да около. А о главном событии, которое возбудило волну эмоций – ни слова. Говорю о щедром подарке, его принесла «Новая почта». О книге на 600 с хвостиком страниц под названием «Мирон Семенович Петровський та його доба». Книга воспоминаний о киевлянине, великом подвижнике, к чьему мнению прислушивались такие корифеи, как Корней Иванович Чуковский и Самуил Яковлевич Маршак. С кем считали за честь дружить учёные-филологи мирового уровня.

Увесистый том стал той последней каплей, после которой молчать и делать вид, что всё хорошо, прекрасная маркиза, просто стыдно.

Заглавие и подзаголовок тома – на украинском. К счастью имя-отчество и фамилия Петровского читаются почти одинаково на украинском и русском. Издатели наизнанку вывернулись, лишь бы книгу позволили напечатать. Пусть небольшим количеством, как прежде говорили, подарочных экземпляров, а всё-таки достижение в годы торжества виртуальных изданий.

Со своих восемнадцати, с его двадцати двух, знаю Мирона. Прилип к нему после одной из литстудий. Глядел снизу-вверх. В отличие от многих других знакомых, разница в возрасте не истёрлась, наоборот, росла. В знаниях, в умении проникать в толщу событий.

От Мирона Петровского, студента вечернего отделения киевского университета, в 54-ом году прошлого века, узнал фамилию поэта Бориса Чичибабина. Врезалось стихотворение о красных помидорах, которые «кушайте без меня». А где-то далеко «в Игоревом Путивле, выгорела трава». От Мирона же, уже в 1992 году, впервые услышал стихи Бориса Алексеевича о том, что «дом остался, а Родины нет».

Частенько, по поводу и без, напрашивался в гости. Отрывал Мирона от дел, читал ему свои стихи или делился впечатлениями от прочитанного.

Разговоры-разговорами, но не было случая, чтобы Мирон отпустил, не покормив. Мой сын попал под дождь. Мирон снял с него мокрую рубашку и заменил. Не по размеру, стиранной-перестиранной. Но сухой. Это было в начале девяностых. С деньгами у Мирона по-прежнему туго.

О том, как Мирон Семёнович трудился над книгами о Чуковском, потом о Маршаке знаю по отзывам его друзей. Мирон о работе не любил распространяться, первым делом убирал со стола трофейную машинку «Олимпия-прогресс» и стопку бумаги. Знаю лишь, что ранг литературного критика всесоюзного масштаба Мирону неофициально присвоили по первой же книге. На её обложке крупно значилась фамилия автора – Мирон Петровский и помельче название «Корней Чуковский». Эту остроту не раз приходилось слышать из разных уст. Думаю, и уверен, сострил сам Мирон.

Не перечесть, чем Мирон меня обогатил. Начиная со сборника – «Поэты Искры», в бежевом довоенном переплёте. Приобщил меня к образцам эпиграмм, сочинением которых я увлекался в юности.

Из его уст услышал и запомнил эпиграммы Игоря Губермана. Все двадцать лет, пока работал за Полярным кругом, отпуск начинал с визита на ул. Флоренскую. Подзаряжался на год вперёд. По привычке, характерной для младших по возрасту, как-то мало интересовался, отчего это автор «Нового мира» Твардовского и популярнейшего журнала «Юность» месяцами и годами не может себе позволить никакой пищи, кроме четырёх-пяти пирожков с ливером по 4 коп. за штуку. На весь день.

Из воспоминаний супруги, Светланы Васильевны, из эссе авторов книги воспоминаний только сейчас окончательно уяснил, кто повинен в том, что М. С. Петровскому, первому исследователю творчества Корнея Чуковского (дипломная работа студента-заочника филологического факультета Киевского университета), составителю книги о Льве Квитко, автору глубоких работ о русском романсе, рассказов о Киеве «Городу и миру» и т. д. и т. п. – по доносу прикормленных литераторов было отказано в публикации в московских изданиях.

ЕСЛИ В МОСКВЕ СТРИГУТ НОГТИ

Мирон позволил себе печатно посомневаться в том, что пионер-герой, чтобы стать героем, должен обязательно погибнуть. Чем страшнее смерть – тем лучше. В те годы я мог бы поддержать Мирона примером из жизни. На заводе «Арсенал» трудился слесарем истинный пионер-герой. В оккупацию он сохранил знамя погибшей в окружении дивизии. Паренька за подвиг наградили орденом «Красного знамени», второй по значению наградой. Но писатели юным пат-

риотом не заинтересовались. Ибо герой не погиб под пытками, остался жив. Тем и сохранил знамя дивизии.

«Если в Москве стригут ногти, в Киеве режут пальцы» – один из афоризмов, на которые Мирон был щедр. В отношении его собственной судьбы эта формулировочка приняла уродливые формы. Насколько в курсе, любое издание книги в Москве, в том числе и перевод с украинского на русский, в штабе киевского Союза писателей (на ул. Орджоникидзе, теперь – на Банковой) воспринималось, как знак высочайшего качества. Претендента тут же принимали в Союз и всё такое прочее.

На Мирона, творца высоко оцененных критических работ, местное писательское начальство смотрело, по словам Маяковского, «как на афишу – коза». Дескать, конечно, критик, но к какой секции Союза отнести его творчество? Подумали и решили пока ... не решать. А тут подоспел поклёп и обвинение в неуважении к патриотизму детей, прозвучавшие с трибуны съезда писателей Российской федерации. В Киеве взяли под козырёк и целых два десятилетия не издавали книг Петровского. Уже свёрстанные – уничтожили. Разве что иные из редакторов издательств тайно заказывали Мирону внутренние рецензии, оплачиваемые копейками. Гонораров тех едва хватало, и то не всегда, на пирожки с ливером. Семья месяцами и годами жила на учительскую зарплату Светланы Васильевны. А вы говорите о подвиге жён декабристов!

Даже книгу воспоминаний о киевлянине и поэте на идиш Льве Квитко («Анна-Ванна, наш отряд...», «Климу Ворошилову письмо я написал...»), успевшую выйти в Москве, в Киев фактически не пустили. Издательство вынуждено было распахивать тираж по российским провинциям. В Кандалакшу (городок на юге Кольского полуострова) прибыл целый контейнер. К счастью, увидел книгу в магазине и отослал Мирону пару пачек. На почте меня знали, обычно паковал вяленого окуня или палтус, да Мирон отказывался. А книгам обрадовался, хватило на всех добровольцев, кто помогал собирать сведения о погибшем в застенках КГБ поэте.

В отличие от большинства авторов воспоминаний я знал М.С. Петровского до того счастливого периода, когда стали выходить его книги, когда он получил постоянную работу редактора в киевском альманахе «Егупец». До сих пор время от времени слышу голос Мирона. Как-то, поймав мой взгляд, он подарил одну из своих трубок, процитировал Алексея Толстого в разговоре с Эренбургом:

– Илья, ты должен быть мне благодарен по гроб! Я тебя научил курить трубку.

На события давних лет гляжу глазами Мирона. Вижу нестройные ряды киевлян, пришедших в годовщину трагедии к Бабьему Яру, на место гибели тысяч и тысяч. Тогда помпезного памятника не было, парк только проклюнулся. Нестройные голоса перекрыл густой бас комбата времён Сталинградской обороны – писателя Виктора Платоновича Некрасова:

– Дайте простому русскому человеку сказать! ...

Милиция вокруг стояла и молчала. А, когда люди положили цветы на землю и стали расходиться, начала охоту. Арестовывала «за разбрасывание мусора в общественных местах».

КИЕВ И КИЕВЛЯНЕ ГЛАЗАМИ МИРОНА

Само собой, набирался у Мирона мыслей, когда из многотиражки «Арсенала» перешёл работать в республиканскую русскоязычную газету. Ту самую, где десятью годами ранее появился грязный фельетон «Конец литературной забегаловки», подпортивший жизнь Мирону и его друзьям. Мне нужно было выпендриться, представить сногшибательный материал и тем пробить путь из штатных сотрудников в штат. Подготовил полосу о Киеве глазами дореволюционного извозчика и водителя такси.

Гвоздём материала стала история названий улиц Киева. Они сохранили для потомков воспоминания о реках и ручьях, протекавших по территории города к Днепру. Начиная с целой стаи Лыбедских (от Лыбедь) и кончая Глыбочиским ручьём и ручьём Скоморох (ручей этот поделился названием с ул. Речной вдали от Днепра). Плюс целый выводок родников, начиная с Печерских Болсунов. Моя родная улица на киевском Подоле – Волошская – названа в честь бога скотоводов Волоса. По ней, по берегу реки Почайны, гнали в город с заливных полей (с Оболони) скот. Традиция сохранилась при поляках, хотя они плевать хотели на дохристианское божество, именовали улицу Быдлогонной.

Всё это мне рассказал, сверяясь со своими рукописями, киевский инженер, прослуживший всю жизнь в лесной промышленности, по фамилии Лифшиц. Имя-отчество за давностью лет истёрлось из памяти, но когда я рассказывал об этом энциклопедисте Мирону, тот уверенно сказал:

– А знаешь, твой щедрый информатор – родной брат поэта Бенедикта Лифшица.

Информатора с благодарностью помянул в материале. Но дежурный редактор по номеру вычеркнул «ненужную фамилию» из полосы. Больше в гостеприимном доме на бульваре Шевченко, рядом с Владимирским собором, я не появлялся. Стыдно было.

Читатели, кому попадётся в руки том воспоминаний о М.С. Петровском, как говорили на Подоле, «будут иметь, что прочесть». Наверное, и точно появится виртуальный вариант издания. Чуть ли не на каждой странице читателя ждут открытия и мысли, ярко высвечивающие литературный процесс середины и конца двадцатого века, начала двадцать первого. А тонкий, рафинированный, и в тоже время смачный язык повествователя! Язык, на котором столетиями говорили жители Киева. Писали такие корифеи, как Михаил Булгаков, Виктор Некрасов, не говоря уже об Александре Вертинском или о начинавшем в Киеве Алек-

сандре Куприне. Восславил критик и не русскоязычных киевлян – великого украинского поэта Максима Рыльского и поэта на идиш Льва Квитко.

Но фолиант о критике, о человеке из того времени, писавшем на русском, поименован по-украински. Мало того, заглавия статей, а их около сотни, тоже переведены на украинский. Для содержания ущерб невелик, зато обеспечен проход сквозь рогатки цензуры (или теперь она называется иначе – Постановлением министерства культуры?).

ГОПАК НА МОГИЛЕ

Из уважения и (почтения!) к филологу большинство авторов воспоминаний, а среди них – самые что ни на есть щирые украинцы, в былые времена претерпевшие за свои взгляды кучу неприятностей, перешли по такому случаю на русский язык. Знаю, в личном общении Мирон говорил с нами по-украински. И лишь один, можно сказать, старый друг, кого Мирон пестовал ещё во времена, когда работал в многотиражке мединститута, позволил себе откровенное русофобство.

Да, сей деятель преуспел в медицинской науке, стал знаменитым писателем, потом и дипломатом. Но я-то помню его абстрактную картину, пропоротую жизнеутверждающей полосой, его стихи на русском и повесть о Чернобыле опять же на русском. Насколько знаю, взлёту этого мемуариста весьма поспособствовал Мирон. Стихи киевского студента (на русском) были опубликованы в первом номере популярнейшего альманаха «День поэзии».

Перед глазами радость на лице Мирона: он поделился своими впечатлениями от статьи студента мединститута в многотиражке. Отчёт о поездке на Фестиваль молодёжи в 1957-ом студент начал так: «Паровоз уткнулся в кадку с пальмой и остановился...». Много раз, прибывая из Киева, вспоминал эту фразу. А сейчас призадумался. Поездка на фестиваль с его эмблемой из ромашки, составленной разноцветными лепестками, представляла собой воистину награду. Довольно редкую даже для самых активных комсомольцев.

Она доставалась лучшим из лучших, проверенным и перепроверенным. Поездка эта случилась за год или два до грязного фельетона в «Сталинском племени», где фамилия экс. студента стояла рядом с Петровским. Человеку пришлось испытать на себе косые взгляды. И только. Некоторые завихрения в биографии воспринимались начальством со снисходительной поблажкой. После мединститута деятель ни дня не работал врачом, сразу попал в престижное научное учреждение и пошёл-пошёл по ступеням диссертаций. Это Мирона лишили средств к существованию, а зарплата экс. делегата фестиваля всю дорогу превышала среднестатистический уровень.

Мирон искренне радовался успехам своего протеже. Парню сошла с рук женитьба на студентке из Польской народной республики. Помним же ситуацию, отражённую в популярном на сценах советских столиц спектакле «Варшавская мелодия». Любовь к иностранке никак не коснулась карьеры. Отчётливо помню радость в глазах Мирона и Светланы. Встретил их, возвращавшихся из гостей. Они поделились: у приятеля большой повод – в Польше родился 35-миллионный житель...

Деятель сей ныне не покидает экран телеканала, принадлежащего экс. президенту Порошенко. Тому самому, которого нынешний президент Зеленский обыграл на выборах с хоккейным счётом. Потому и обыграл, что на Порошенко-политике клейма негде ставить. Человек, считающий себя приятелем (или другом) Мирона, целиком и полностью солидаризуется с Порошенко. Как тут не вспомнить о формуле, каковой придерживался поэт Иосиф Бродский. Когда того допекали вопросами, как он относится к такому-то поэту, он отвечал вопросом на вопрос: «А как его воспринимает Евтушенко?». Тут же следовал чёткий ответ, если Евтушенко – за, он, Бродский, против. Только так!

Несмотря на все ухищрения с заглавием тома и с заголовками статей на украинском, книга в Киеве не увидела бы свет. «Паровозом», видимо, послужили мемуары о покойном экс. студента мединститута, экс. научного работника, экс. писателя и экс. дипломата. Отчего на душе ещё горше. Как будто довелось поприсутствовать на похоронах, где на свежей могиле подвыпивший деятель станцевал гопака...

Мирон Семёнович Петровский

(автор фото М. Кальницкий, 1995 г.)